

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2018

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 15, № 1

весна

2018

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 32

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Москва, изд-во «Наука — Восточная литература»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

чл.-корр. РАН **В.И. Васильев** (Москва, РАН)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

акад. РАН **С.Л. Тихвинский** (Москва, ИДВ РАН)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Васубандху. «Абхидхармакоша» («Энциклопедия Абхидхармы»),
фрагмент раздела «Джняна-нирдеша» («Учение о знании»)
Предисловие, перевод с санскрита и примечания *Е.П. Островской* **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосроев.* О слове $\chi\omega\kappa\bar{\eta}$ ($\lambda\omicron\upsilon\tau\rho\acute{o}\nu$? $\beta\acute{\alpha}\lambda\tau\iota\sigma\mu\alpha$?) в *2СлСиф* 58.15–16 (*ННС VII.2*)
и о раннехристианском «крещении» вообще. Часть 1 **17**
- Ю.А. Иоаннесян.* Учение Баба о грядущем вслед за ним великом пророке
(о «Том, кого явит Бог») **53**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- С.М. Якерсон.* Еврейская первопечатная книга в контексте рукописной традиции **63**
- И.В. Зайцев.* Персидские литографии и рукописи сочинений по медицине
в собрании библиотеки Института экспериментальной медицины **75**
- К.М. Богданов.* Тангутская книжная иллюстрация как исторический источник
(на примере описания гравюры из Тангутского фонда ИВР РАН) **83**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- Отчет о научной командировке в Казань М.Н. Соколова. Предисловие, публикация,
примечания *Д.А. Носова* **96**
- П.Б. Лурье.* В.А. Лившиц и его метод. Вместо некролога **106**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А.В. Зорин.* Шестые петербургские тибетологические чтения
(Санкт-Петербург, 19 сентября 2017 г.) **122**
- Д.А. Носов.* Научная конференция «Санкт-Петербургские монголоведные чтения»
(Санкт-Петербург, 27 сентября 2017 г.) **127**
- А.В. Туранская.* X юбилейная международная научно-практическая конференция
«Россия–Китай: история и культура» (Казань, 5–7 октября 2017 г.) **130**
- Т.В. Ермакова.* Одиннадцатые Всероссийские востоковедные чтения
памяти О.О. Розенберга (Санкт-Петербург, 13–14 ноября 2017 г.) **133**

РЕЦЕНЗИИ

- Indische Handschriften. Teil 19. Die Śāradā-Handschriften der Sammlung Janert
der Staatsbibliothek — Preußischer Kulturbesitz. Beschrieben von Gerhard Ehlers. —
Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2016. — 145 p. (*С.Х. Шомахмадов*) **139**

На четвертой стороне обложки:

Махзор к'минхаг Рома (Праздничный молитвенник по обычаю Рима), 1486 г.,
из коллекции ИВР РАН

В.А. Лившиц и его метод. Вместо некролога

П.Б. Лурье

Государственный Эрмитаж

DOI: 10.7868/S1811806218010089

10 июня 2017 г. на 94-м году жизни скончался Владимир Аронович Лившиц, выдающийся ученый-иранист, патриарх исследований среднеиранских письменных памятников. Настоящая статья не ставит целью охарактеризовать жизненный путь Владимира Ароновича — некролог опубликован в другом месте, в ней сделана попытка понять и объяснить методы, которые В.А. Лившиц применял в дешифровке иранских письменностей доисламского времени. При этом что парфянский, согдийский, хорезмийский языки (основной объект нашего исследования), очевидно, родственны, и письменности на этих языках восходят к одному источнику, в работе с каждым из этих языков Лившиц применял различные подходы к тексту. Это разнообразие методов, вкупе с личным талантом и вдохновением Владимира Ароновича, радикально изменили наше понимание языков и письменных традиций, культуры и истории доисламского Ирана и Средней Азии. В написании статьи автор пользовался опубликованными работами В.А. Лившица и некоторых его коллег, материалами его научной библиотеки и архива, а особенно — двадцатью годами общения и ученичества у общепризнанного корифея среднеиранской эпиграфики.

Ключевые слова: В.А. Лившиц, среднеиранские письменности, парфянский язык, согдийский язык, хорезмийский язык, дешифровка, методология.

Статья поступила в редакцию 01.12.2017.

Лурье Павел Борисович, канд. филологических наук, зав. сектором Средней Азии, Кавказа и Крыма Отдела Востока Государственного Эрмитажа, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34 (pavlsivria@gmail.com).

© Лурье П.Б., 2018

Владимир Аронович Лившиц (06.10.1923–10.06.2017) — крупнейший мировой авторитет в изучении надписей на различных среднеиранских языках: парфянском, согдийском, хорезмийском. Объем, широта, фундированность его работ являются эталонными. Особенно же поражает разница между тем, в каком зачаточном состоянии находилось исследование эпиграфики на среднеиранских языках до работ Лившица, и тем уровнем понимания, на котором он эту область науки после себя оставил. Дешифровка древних письменностей — результат нетривиальной работы ума ученого, достойный специальных исследований¹, и работы В.А. Лившица по древним иранским

¹ История открытий Шампольона, Гротефенда, Роулинсона, Грозного, Вентриса, Кнорозова хорошо изучена и доступна не только научному сообществу, но и широкой публике. К способу дешифровки бак-

письменностям являются именно дешифровкой (хотя сам он этим термином, как правило, не пользовался).

В настоящей заметке мы не ставим себе цели описать жизненный путь и впечатляющий список достижений Владимира Ароновича², но попытаемся объяснить то, как он достиг своих чтений парфянских, согдийских и хорезмийских надписей. Для решения этой задачи автор пользуется опубликованными работами В.А. Лившица, своим двадцатилетним опытом общения с ним, а также материалами научной библиотеки и архива Владимира Ароновича, которые разбирал в последние месяцы³. К статье прилагаются дополнения к списку печатных работ В.А. Лившица. Разумеется, ответственность за все выводы настоящей статьи лежит исключительно на авторе⁴. Многое из того, о чем будет говориться, являлось общей чертой исследователей почти ушедшей уже эпохи⁵, много позаимствовал Владимир Аронович у своих учителей (особенно у Игоря Михайловича Дьяконова, 1915–1999), но основная часть — его личный, индивидуальный стиль работы.

Тексты, в чтение которых В.А. Лившиц внес особенно большой вклад, чрезвычайно далеки от того, как обыватель воспринимает древние восточные писания, с их якобы потаенной мудростью, тайными знаками или религиозными откровениями. Делались они по вполне житейским поводам, в них все приземленно, нет никакой философской глубины. Но вместе с тем чтение этих документов дает очень много информации о жизни людей в соответствующую эпоху, об устройстве их хозяйства, о политических и военных событиях. Изучая их, ученый видит реальных людей, с их устремлениями, интересами и возможностями, иногда в них заметен индивидуальный стиль, видны характер, особенный юмор или какие-то религиозные воззрения, которые читаются как бы между строк. Кроме того, эти тексты являются первостепенным лингвистическим источником. Показать важность и очарование этих «проптых» текстов — одна из целей настоящей заметки.

Вначале нам предстоит представить себе, на каком уровне находилось изучение иранских языков в послевоенное время, на которое пришлось первые самостоятельные работы Лившица. Сделать это несложно, имея в руках выпуск «Iranistik. Linguistik» из

трийского курсива, описанному непосредственно его автором, Н. Симс-Уильямсом, мы еще вернемся. Мне не встречалось ясных описаний метода, приведшего В. Томсена к прочтению древнетюркской руники, хотя задача перед ним стояла особенно сложная: отсутствие билингв, необычная и самостоятельная система письма, ограниченный корпус, разнонаправленные возможности исторической привязки.

² См. некрологи, опубликованные в «Вестнике древней истории» по-русски и в журнале «Scrinium» по-английски, в онлайн-версии «Miras-e Maktoob» по-персидски (<http://www.mirasmaktoob.ir/fa/news/6964> автор Ehsān Shavārebi).

Основные хронологические вехи жизни В.А. Лившица таковы: родился в Ленинграде 6 октября 1923 г., в 1940 г. поступил на иранское отделение Восточного факультета ЛГУ, до 1945 г. на фронте, в 1948 г. окончил университет, в 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Местоимения в афганском языке (пашто)», с 1952 по 1958 г. работал в Сталинабаде (Душанбе), затем вплоть до последних лет — в ЛО ИВАН (ИВР РАН), в 1965 г. защитил докторскую диссертацию по изданию юридических документов и писем с горы Муг.

³ Наследники В.А. Лившица передали его библиотеку в Институт восточных рукописей РАН, где для нее предусмотрено отдельное помещение. Архив в настоящее время находится в Государственном Эрмитаже, предстоит его систематизация и передача на хранение.

⁴ Должно отметить, что в своей работе В.А. Лившиц никогда не отступал от конкретного материала и с недоверием относился к всякого рода теоретизированию, особенно назидательного свойства. В его шутилой классификации научных работ настоящая статья относилась бы к категории «взгляд и нечто».

⁵ Это и картотеки в деревянных ящиках, и рукописные черновики, и пространная научная переписка (деловые e-mail, как правило, много короче бумажных писем).

В.А. Лившиц дома. 2002 г. Фотография предоставлена Н.Г. Птициной

серии «Handbuch der Orientalistik», вышедший в 1958 г. Раздел о древнеиранских языках, авестийском (в котором уже последовательно разделены язык гат и младоавестийский) и древнеперсидском писал Карл Хоффман. Ровно половину книги занимает раздел о языках среднеиранских, *Mitteliranisch*, Вальтера Бруно Хеннинга, имя которого будем часто упоминать. О хотанском и тумшукском сакском, далеко отстоявших по ряду признаков от прочих среднеиранских, говорится в очерке Харольда Бэйли. Раздел о новоперсидском писал Вольфганг Ленц, о прочих новоиранских языках — Георг Моргенштерне. Для иранской филологии того времени было характерно внимание к описанию корпуса и историческому развитию языка, к его реконструкции, в меньшей степени — к синхронной грамматике. В книге почти нет таблиц, бегло описываются фонетика и морфология, едва упоминается синтаксис (отметим, что в последнем по времени своде иранских языков, «The Iranian Languages», вышедшем под редакцией Гернота Виндфура в 2009 г., напротив, история языков почти не рассматривается, главное внимание уделено синтаксису).

Тогдашний интерес к истории языков вылился в последовавший объем исследований, в первую очередь этимологических словарей. К 1950-м годам в распоряжении исследователей имелись «Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen» Алоиса Вальде и Юлиуса Покорного (1927–1932), уже сильно устаревший «Grundriss der Neupersischen Etymologie» Пауля Хорна (1893) с многочисленными исправлениями Хайнриха Хюбшманна (1895), «Altiranisches Wörterbuch» Христиана Бартоломе (1904), глоссарий к «*Hilfsbuch des Pehlevi*» Самуэля Ньюберга (1931) да небольшой «An Etymological Vocabulary of Pashto» Георга Моргенштерне (1927). Изданный ротпринтом и содержащий массу иранских лексем «Армянский корневой словарь» Рачии Ачаряна (1925–1935) оставался доступен очень немногим. Даже притом что многие издания текстов снабжались глоссариями, часто с этимологическими помета-

ми, и имелись специальные статьи по этимологии (например, в «Grundriss der iranischen Philologie»), изучение истории иранских языков в то время было сопряжено с множеством трудностей.

Лишь в 1950-е годы увидели свет первые тома больших этимологических словарей иранских языков — «Историко-этимологического словаря осетинского языка В.И. Абаева (с 1958 г.) и «Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen» Манфреда Майрхофера (с 1953 г.), а также снабженное этимологическими пометами Мохаммада Муина издание классического персидского словаря «Burhān-i Qāṭi'» (с 1956 г.).

В русле тех же работ было первое монографическое исследование В.А. Лившица, опубликованное, впрочем, с размытым указанием авторства. Это была монография «Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря», вышедшая в 1957 г. за авторством М.С. Андреева и Е.М. Пещеревой, но под редакцией В.А. Лившица и А.К. Писарчик. Редакторы собрали в архивах умершего в 1948 г. М.С. Андреева и Е.М. Пещеревой записи текстов из экспедиций 1920-х годов в Ягноб, перевели их в единообразную систему латинской транскрипции и расположили согласно диалектному делению, выверили многие записи (В.А. Лившиц, в частности, консультировался у ягнобца — дворника в Сталинабаде). Словарь с полной росписью текстов занимает половину книги. Все грамматические и этимологические пометы в словаре составлял В.А. Лившиц. Ягнобский язык, на котором говорят несколько тысяч жителей горной долины Ягноба в Центральном Таджикистане и который иногда не вполне точно именуют «новосогдийским», действительно, демонстрирует очень большую близость среднеиранскому согдийскому языку, однако не может считаться потомком литературного согдийского. В словаре даются многочисленные сопоставления с согдийским, прочими среднеиранскими, памирскими языками, таджикским, тюркскими, и др. Он является исчерпывающим этимологическим словарем этого малого восточноиранского языка, за 60 лет не потерявшим своей значимости⁶ и ставшим огромным подспорьем как для дальнейших исследований ягнобского, так и для работ по этимологии других иранских языков.

После защиты диссертации на тему «Местоимения в афганском языке (пашто)»⁷ под руководством Александра Арнольдовича Фреймана основным проектом В.А. Лившица стало совместное с М.М. и И.М. Дьяконовыми изучение остраков (текстов на керамических черепках) из раскопок городища Старая Ниса. Старая Ниса — северовосточная столица Парфянской империи (III в. до н.э. — III в. н.э.), расположенная недалеко от Ашхабада, была открыта археологом А.А. Марущенко еще в 1930-е годы, и тогда же там были найдены несколько остраков. Сразу после войны на Нису пришел основной отряд Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции под руководством М.Е. Массона, в результате работ которого было обнаружено в общей сложности более 2000 остраков. Историки — иранист и археолог Михаил Михайлович Дьяконов и ассириолог и семитолог Игорь Михайлович Дьяконов, приступив к работе с остраками, увидели, что в бригаду необходимо включить и лин-

⁶ Автор заметки составил в 2008 г. список ягнобо-согдийских этимологических параллелей, выявившихся после публикации «Ягнобских текстов», который затем дополнил Ютака Ёсида (неопубликован). Несмотря на огромный объем введенных в научный оборот в последние годы согдийских текстов (и какое-то количество ягнобских), объем нового материала не превышает 70 соответствий.

⁷ Изданы лишь автореферат и две статьи. Владимир Аронович рассказывал, как изучал функции направительных местоимений по пуштунскому переводу рассказов Чехова. Рассказы были переведены не с русского оригинала, а с французского перевода. Найдя последний в Библиотеке Академии наук, он слыхал с ним текст на пашто.

гвиста-ираниста. Им и стал молодой В.А. Лившиц, на которого И.М. Дьяконов обратил внимание на выпускных экзаменах Восточного факультета ЛГУ. Поначалу исторической интерпретацией занимался М.М. Дьяконов, семитологическими вопросами — И.М., а иранской лингвистикой — В.А. Лившиц; после смерти в 1954 г. Михаила Михайловича его брат взял на себя и исторический комментарий к остракам, однако в дальнейшем, поняв, что значимость нисейских текстов для семитской филологии исчерпана, передал всю работу Лившицу. Был издан ряд статей, небольшая книга с предварительным прочтением значительной части надписей, филологическим и историческим введением, а затем в серии «Corpus Inscriptionum Iranicarum» в шести томах были изданы все тексты в фотографиях, транслитерациях и английском переводе. Ономастический комментарий к нисейским остракам и ряд статей по парфянским надписям — тема последней книги В.А. Лившица. Задача сводного исторического анализа материала из Нисы все еще стоит перед исследователями.

Нисейские остраки, найденные преимущественно в помещении винохранилища, были начертаны тушью алфавитом арамейского происхождения, тексты были достаточно единообразны, письмо ясно⁸, очевидно читались многие арамейские слова, иранскими были по преимуществу личные имена, топонимы, календарные термины.

Работа Дьяконовых и Лившица по чтению надписей требовала в первую очередь разложения текстов на составные части. Даже на первый взгляд было понятно, что тексты однообразны и состоят из постоянных (формульных) и переменных единиц, соотносящихся с конкретикой надписи. Впрочем, и эти переменные — годы (по аршакидской эре), объем и тип напитка, названия виноградников, имена виноделов⁹ и т.п. — не демонстрировали большого разнообразия.

Повторяющиеся во множестве документов слова анализировались с точки зрения семитской (не только арамейской!)¹⁰ и иранской этимологии, после чего и принималось то или иное чтение, подходившее всем контекстам, и таким образом, как бы из кубиков, выстраивался перевод надписи. Из надписей становилась ясна модель царского хозяйства, способы документации поступлений и даже — через анализ собственных имен — пантеон парфян и хронология Аршакидов.

Пожалуй, самым сложным был вопрос о языке остраков. Арамейское прочтение текстов, где большая часть нарицательных слов объясняется через арамейский, было бы «простым» способом расшифровать остраки, и к нему прибегают Исаак Натанович Винников. Дьяконовы и Лившиц сразу же предположили, что имеют дело с иранским, парфянским языком, записанным арамейским письмом с многочисленными гетерограммами. При этом надо заметить, что, хотя язык текстов ученые понимали совершенно по-разному, содержание документов выходило у них вполне сходным.

До конца XIX в. и сами зороастрийские мобеда, и европейские ученые полагали, что пехлеви — среднеперсидский язык — являлся языком мешаным: кроме иранских

⁸ «Несмотря на близость к винным складам» — иронически замечали Дьяконов и Лившиц.

⁹ Авторы издания предлагают переводить термин *mdwbr* как «приносящий вино, поставщик вина», от *madu*- «вино» и основы *bar-* «нести». Мне представляется, что в древне- и среднеиранских отглагольная основа **bara-* в конце составных слов использовалась для обозначения профессии и означает не «несущий», а «делающий, работающий с, пекущийся о». Так **dipi-bara-* (позднейшее *dabīr*) не «носящий документ», а «делающий документ», «писец», **daina-ā-bara* (позднейший *dināwar*) не «несущий веру», а «соблюдающий веру», «праведный», **gazna-bara-* не «несущий казну», а «оберегающий казну», «казначей». Таким образом *mdwbr* должно значить «винодел». Встречающийся в остраках термин *rzkr* значит «виноградарь», букв. «работающий с лозой», а *rzpn*, возможно, «охранник виноградника».

¹⁰ Например, очень частое в документах *HWT'* «хум, тарный сосуд» определено И.М. Дьяконовым как заимствование из аккадского в арамейский.

слов в нем было очень большое количество арамейских заимствований. Настораживало, однако, что от этих арамеизмов (в отличие, например, от бесчисленных арабизмов в новоперсидском), во множестве встречавшихся и в корневой лексике, и в глаголах, частицах, даже терминах родства, — почти ничего не сохранилось в новоперсидском — наследнике среднеперсидского. Ученые догадывались, что многие арамейские написания в среднеперсидском являются гетерограммами, т.е. словами, которые записывались по-арамейски, но читались по-ирански, как, например, шумерограммы в аккадском или кандзи в японском. Первым последовательно выделил арамеограммы и предложил для них расшифровки Карл Германович Залеман в «Grundriss der iranischen Philologie». Последовавшее вскоре открытие среднеперсидских и парфяньских манихейских текстов из Турфана полностью подтвердило гипотезу: в письме манихеев арамейских заимствований совсем немного.

Гетерограммы достались среднеперсидскому от того времени, когда арамейский был языком канцелярии, а писцы были уже иранцами, и, соответственно, в ранних текстах арамеограмм должно было быть как минимум не меньше, а скорее и ощути-мо больше, чем в поздних. Большинство пехлевийских текстов относятся к VIII–IX вв., а основные слои Нисы — к I в. до н.э., промежуток между ними исчисляется тысячелетием, так что в остраках можно предположить значительно большее количество арамеограмм. Как полагал Винников и некоторые другие ученые, нисейские документы были составлены до того, как произошел переход на иранское письмо, еще по-арамейски (с иранской ономастикой)¹¹.

Если среднеперсидский язык был известен исследователям еще с XVIII в., то парфяньский к моменту открытия остраков едва вошел в научный оборот. Парфяньские тексты манихейским письмом из Турфана были открыты и дешифрованы в самом начале XX в. На четкую разницу между близкородственными манихейским среднеперсидским и манихейским парфяньским указал в 1924 г. Пауль Тедеско, грамматику парфяньского — опять же по манихейским текстам — опубликовал в 1939 г. А. Гилэн. Что же до парфяньских текстов арамейским письмом, то тогда ученые располагали монетными легендами (весьма единообразными) и надписями на печатях, купчей на землю из Авромана¹² и парфяньскими версиями трехязычных надписей первых Сасанидов. К ним нужно добавить многочисленные парфяньские заимствования в классическом армянском¹³.

На основе нерегулярностей записи арамейских слов, многочисленных ошибок, нарушения семитской морфологии и синтаксиса, чередования арамейской и иранской записи одних и тех же лексем, иранских флексивных показателей у имен Дьяконовы и Лившиц определенно показали, что речь идет не о диалектном, «испорченном» арамейском Нисы, а о гетерографии. Подробное объяснение иранского языка надписей стало предметом отдельной статьи И.М. Дьяконова и В.А. Лившица, полной очень

¹¹ Ср. очень большой объем иранских имен и ряд терминов в имперско-арамейских канцелярских текстах ахеменидского времени и в арамейской версии декрета Ашоки — для последней, впрочем, предполагают уже гетерографическую письменность на основе иранского или индоарийского диалекта.

¹² Русское и существенно пересмотренное английское издание документа из Авромана — одна из последних работ В.А. Лившица.

¹³ После открытия нисейских документов корпус парфяньского языка увеличился ненамного. Это остраки и пергаменты с других памятников Южной Туркмении (в том числе Старой и Новой Нисы), Сирии и Ирана, надписи на серебряных сосудах и печатях, вероятно, несколько новых монетных типов. Удивительны хулиганские наскальные надписи проводников караванов из Лах-мазара на юге провинции Хорасан, чтение которых опубликовал В.А. Лившиц.

тонких наблюдений, их аргументы всецело поддержал и крупнейший иранист той эпохи Вальтер Бруно Хеннинг.

Исследование нисейских документов было, действительно, совместным, и участие Дьяконовых, особенно Игоря Михайловича, трудно переоценить. Он не только осуществлял семитологическую поддержку чтения, его ясный и логический ум вникал в суть документа, его опыт работы с хозяйственными текстами Междуречья позволял выяснить особенности функционирования царских винохранилищ Нисы — Михрдаткирта, а опыт работы с шумерограммами оказался более чем полезен для решения вопроса о нисейских арамеограммах.

Несмотря на небольшую разницу в возрасте, В.А. Лившиц всегда считал И.М. Дьяконова своим учителем. Он любил повторять, что Дьяконов учил его переписывать научные работы ровно семь раз до того, как сдавать в издательство — только так можно было избавиться от ошибок и шероховатостей. Действительно, в архиве В.А. Лившица сохранились многочисленные черновики будущих книг и статей, различающиеся иногда лишь в самых мизерных деталях. Писал он всегда от руки, ни печатную машинку, ни компьютер не признавал, почерк был не самый красивый и мелкий, но ясный, половина листа всегда отводилась на поля. Библиографию он заносил на каталожные карточки, а в конце работы переписывал в алфавитном порядке на листы бумаги набело. При издании книг и статей всегда долго и принципиально бился за точность диакритических знаков и придавал большое значение акрибии (это слово он непременно объяснял ученикам, и требовал акрибии и от их работ).

В следующей большой работе, которую выполнил В.А. Лившиц, — издание согдийских юридических документов и писем с горы Муг — не было главного подспорья нисейских остраков. Напротив, тексты были написаны очень нечетким почерком и не отличались единообразием.

Корзина с рукописями была обнаружена пастухом в земле на горе Муг в Центральном Таджикистане в 1932 г., за находкой последовали энергичные действия Абдухамида Пулоти — секретаря местного райкома¹⁴, а затем, по определении рукописей как согдийских, — раскопки под руководством И.А. Васильева и А.А. Фреймана, будущего учителя В.А. Лившица. Архив, состоявший из согдийских документов на дереве, коже и бумаге, китайских на бумаге, арабских и тюркских рунических, хранится в Институте восточных рукописей РАН, а материальные находки — в Эрмитаже.

В самом начале исследования В.А. и И.Ю. Крачковские прочитали арабское письмо из архива и определили его отправителя — дехкана Дивасти, упомянутого в связи с мусульманским завоеванием Мавераннахра под 721–722 гг. (в воспоминаниях И.Ю. Крачковского очень ярко передана атмосфера прочтения письма и отождествления персонажей, что заняло несколько часов). Фрейман подготовил каталог архива и в течение трех десятилетий прочитал ряд документов, преимущественно хозяйственного свойства (многие его чтения поправлял Хеннинг). Как рассказывал В.А. Лившиц, Фрейман передал ему ряд фотографий текстов, которые сам разбирать не решился.

Согдийский язык к тому времени был известен в первую очередь по найденным в Турфане и Дуньхуане переводным текстам, относившимся к мировым религиям

¹⁴ Документальные материалы о Пулоти, прожившем долгую и яркую жизнь (см.: Джумаев 2017), хранятся в архиве В.А. Лившица.

того времени: буддизму, манихейству и христианству¹⁵. Первые были написаны каллиграфическим, четким почерком письма арамейского происхождения, именуемым «письмом сутр», вторые — особым вариантом пальмирского алфавита¹⁶, почти идентичного письму манихейских среднеперсидских и парфянских сочинений, третьи — сирийским письмом. Документы с горы Муг начертаны почерком, близкородственным буддийскому «письму сутр», но куда менее ясным. К тому времени были изданы начертанные похожим почерком надпись из Карабалгасуна, надпись из Ладакха да несколько манихейских текстов, преимущественно списков. Хеннинг, публиковавший последние, называл это письмо «творением Ахримана».

В отличие от текстов из Турфана и Дуньхуана, документы с горы Муг не являются переводными сочинениями. Одна из самых сложных задач при анализе первых — поиск источника согдийского перевода (как правило, фрагментированного) или близкого текста среди буддийских сутр, сирийской Библии, авторов Церкви Востока или многоязычной манихейской литературы. По обнаружении такого источника согдийский текст читается как билингва, неясные места выясняются по оригиналу (тем самым, увы, сильно понижается историческая значимость такого *несамостоятельного* согдийского текста). В случае документов с горы Муг этот метод не работал, тексты были самостоятельны и сравнивать их можно было разве что с данными исторических источников — но это уже самая последняя стадия интерпретации.

Очень многие начертания букв в согдийском курсиве совпадают. Начальные и средние *z* и *n*, *x* и *y* сливаются уже в «письме сутр» и в более раннем почерке «Старых писем» (до 312 г.), в курсиве же мугских текстов часто совпадают *'*, *y*, *r*, *n*, *z*, а также *ǰ*, *s*, *x* и *y*; более того, последние можно часто спутать с комбинациями типа *zz* и т.д. В то же время тексты Турфана и Дуньхуана дают исследователям богатый и подддержанный билингвами согдийский словарь.

Из этого следовал принцип, который В.А. Лившиц, кажется, никогда не излагал в печатном виде, но часто говорил нам на занятиях: тексты с горы Муг бесполезно читать, разбирая по буквам. Нужно увидеть и понять *целое* слово, как своего рода иероглиф. Зная множество слов по другим согдийским текстам, сообразуясь с особенностями орфографии, синтаксисом, наконец, содержанием документа, можно подобрать такое слово, которое подходило бы и по написанию, и по содержанию.

Попробую проиллюстрировать это на простом примере. Представим, что вы стоите на остановке и ждете троллейбуса. Троллейбус остановился на светофоре в паре сотен метров, и вы пытаетесь разглядеть, какой у него номер, но как ни шуритесь, четко увидеть цифры не можете. На остановке останавливаются пять различных троллейбусных маршрутов. Видно, что на приближающемся троллейбусе номер двузначный, и это значит, что два троллейбуса с однозначными номерами отпадают. Вы пытаетесь сопоставить те две цифры, которые написаны на троллейбусе, с тремя оставшимися возможными вариантами, и оказывается, что один из номеров никак не вписывается в размытые силуэты (например, первая цифра номера маршрута имеет узкий низ, это 1, 4 или 7, а у первой цифры нашего троллейбуса видна нижняя горизонтальная палочка), а другие два подходят. Предположим, что вы часто садитесь на

¹⁵ Пионером исследования согдийских текстов был Ф.В.К. Мюллер. Над ними в первые десятилетия XX в. работали также П. Готье, Э. Вальдшмидт, В. Ленц, Х. Райхельт, Ф. Андреас, В.Б. Хеннинг, Э. Бенвенист, О. Хансен, в России — Ф. Розенберг. В 1954 г. вышла грамматика манихейского согдийского И. Гершевича.

¹⁶ Публикации крупных манихейских текстов, написанных «национальным» письмом, начались с 1970-х годов.

этой остановке и знаете, к каким паркам приписаны троллейбусы каких маршрутов, а два оставшихся маршрута приписаны к разным паркам. У этих парков немного отличаются модели троллейбусов, их дизайн, покраска, расположение рекламы, и эти детали вы вполне можете увидеть на расстоянии. Таким образом, используя ограниченный набор инвариантов, подстановкой по различным параметрам, анализом как текста, так и контекста можно определить, что это за троллейбус и нужно ли его штурмовать.

Будучи уже в Душанбе, в свободное время Владимир Аронович работал с мугским архивом. Он рассказывал, как буквально подпрыгнул, сидя ночью на коммунальной кухне с фотографией документа, когда прочитал там *'stwršnyk n'β* «народ Уструшаны¹⁷», известной из исторических источников области к северо-востоку от Согда. Чтение других текстов архива было также полно эвристических открытий. В результате Лившицу удалось враз, вдруг понять самые сложные тексты, так сказать «оседлать Пегаса», и основной корпус был прочтен в течение нескольких месяцев.

Владимир Аронович рассказывал, как он долго искал — и, наконец, нашел — фотографию самого первого из найденных на горе Муг, ныне потерянного документа I.1., который прочитал и включил в издание, и как Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961), тогда директор Ленинградского отделения Института востоковедения, устраивал закрытые диспуты между Лившицем, с одной стороны, и Михаилом Николаевичем Боголюбовым (1918–2010) и Ольгой Ивановной Смирновой (1910–1982), также работавшими над мугскими документами, — с другой, в результате которых Лившиц получил разрешение на публикацию значительной части архива¹⁸.

Документы с горы Муг, в том числе и особенно те, что были опубликованы Лившицем, имеют огромное историческое значение. Перед нами — широкий срез жизни Средней Азии в процессе мусульманского завоевания, который охватывает самые разные сферы — от ежедневного довольствия служилого люда или особенностей мельничного хозяйства до описаний политической и военной ситуации в разных регионах. Среди документов имеются и учетные записи, и брачный контракт (из него следует, что знатная согдианка имела очень широкие права), и дипломатическая переписка, и даже шпионские донесения. Многое в этих документах пересекается с китайскими и арабскими историческими текстами, и исторический комментарий, пожалуй, наиболее яркая часть работы В.А. Лившица над документами с горы Муг¹⁹. Эти исторические сопоставления основываются на правильном прочтении текстов (написанных, как мы помним, весьма нечеткими буквами), так что небольшое изменение

¹⁷ Между прочим, это чтение не только установило правильное название области, которую разные средневековые авторы записывали по-разному, но и оставило след в нынешней топонимии: город Ура-тобе в Таджикистане, находящийся на территории этой исторической области, носит теперь название Истравшан.

¹⁸ Едва ли возможно было работать над одной из частей единого архива (юридические документы и письма у В.А. Лившица, хозяйственные документы — у М.Н. Боголюбова и О.И. Смирновой), не сравнивая ее с другими. Именно поэтому в комментариях к выпуску Лившица приведено много обширных цитат из документов, изданных Боголюбовым и Смирновой, при этом чтения нередко существенно отличались. К сожалению, ни в первом издании книги, ни в ее переиздании 2008 г., ни в английской версии последнего (2015) нет указателя тех документов, которые цитировались в примечаниях.

¹⁹ Владимир Аронович в разговорах всегда признавал, что историческая значимость чтений — не только документов с горы Муг, но и вообще среднеиранской эпиграфики — перевешивала для него значимость филологическую. Вместе с тем при разборе его библиотеки я обнаружил едва ли не исчерпывающий набор советских трудов по лингвистике самых разных языков и направлений, изданных в 1940–1990-е годы. Ср. также выше на с. 109 про ягнобский словарь.

чтения может радикально изменить смысл документа. Характерный пример — упомянутый документ I.1., где в зависимости от чтения *xmyr (mnt) xws 'nty'kh* «неудовольствие эмира» или *xmyr (●) xws 'nty'kh* «удовольствие эмира» радикально меняется содержание письма.

Неудивительно поэтому, что, хотя публикация Лившица была в целом восхищенно принята научным сообществом, многие специалисты — в их числе М.Н. Боголюбов, О.И. Смирнова, И.А. Гершевич, В. Вэбер, Ф. Гренэ, Н. Симс-Уильямс, Э. де ла Вэсьер, Ю. Ёсида, И.С. Якубович, автор настоящего сообщения да и сам В.А. Лившиц — предлагали разные уточнения чтений. Владимир Аронович к ним относился всегда с интересом и многое принимал, что можно видеть по переизданию документов с горы Муг в книге «Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья», вышедшей из-под его пера в 2008 г. Эта книга получила премию имени С.Ф. Ольденбурга в России, премию Эхсана Яршатера в США, а в 2015 г. вышел ее английский перевод под редакцией Н. Симс-Уильямса в серии «Corpus Inscriptionum Iranicarum».

В дальнейшем, работая уже с «малой» эпиграфикой Согда, Лившиц нередко встречался с текстами первостепенной исторической важности, и опять же никто иной не смог бы их разобрать. Илья Гершевич признавал, что только глаз Владимира Ароновича мог разглядеть самые сложные и размытые тексты. Надо в первую очередь сказать о надписях на росписях «Зала послов» в Афрасиабе. Лившиц инспектировал их лично, рассказывал позднее забавные истории о том, как его воспринимали в чайханах старожилы Самарканда²⁰, читал надпись в раскопе, на месте, непосредственно с оригинала²¹. Полное чтение надписей было опубликовано через 30 с лишним лет после открытия, однако основное ее содержание было объявлено сразу же: царь Вархуман принимает послов из Чача и Чаганияна, последний заявляет, что знает письмо и богов Согда. По имеющимся сейчас фотографиям и прорисовкам очень сложно увидеть то, что прочитал Лившиц, но он, повторим, работал в поле, в его архиве имеются прорисовки надписей на кальке. Идеограммы, как это часто бывает в среднеиранской филологии, не мешают, а помогают прочтению документа. Обнаружение идеограммы *MLK'*, в частности, позволило предположить, что перед ним — собственное имя царя Самарканда, на что указывал контекст находки. Цари VII–VIII вв. были известны по китайским и арабским источникам и по монетным легендам (см. в первую очередь работы О.И. Смирновой). Подошло имя царя *Авархуман* (*Вархуман* на монетах, *Фохумэн* в китайской транскрипции) из рода(?) *Унашу* (*Унаш* на монетах, *Вэнь(наша)* в китайской записи). Надпись позволила четко датировать «Зал послов» временем Вархумана (третья четверть VII в.), определить элементы дипломатического протокола Средней Азии предарабского времени, понять содержание, по крайней мере, одной части росписей (отсюда, кстати, пошло название памятника как «Зала послов»).

Неменьшую значимость имела и фрагментированная Бугутская стела в Монголии, найденная Сергеем Григорьевичем Кляшторным (1928–2014) и изданная двумя учеными совместно. Текст, очень плохо сохранившийся, был частью билингвы с надпи-

²⁰ «Приехал один еврей, он древние письмена знает. Его отец учил, говорил: „Пока букву древнюю не выучишь — булочку не дам“. А ему булочек хотелось, вот он все и выучил. А потом отец послал его в Хотан, и там он тоже древние письмена учил».

²¹ Гитти Азарпай в последнем фештшрифте Лившица опубликовала его цветную фотографию за работой в «Зале послов». Смотрит портретируемый, впрочем, не на надпись непосредственно перед ним, а на иноземную красавицу — фотографировавшую его Азарпай (Azarpay 2013: 309).

сью брахми (сохранившееся еще хуже). Как показала работа ученых, эта стела была воздвигнута в конце VI в., содержала имена первых каганов — Мукана, Таспара, Бумына(?), и является единственным документом, доставшимся нам от Первого тюркского каганата.

Исследование эпиграфики, которую регулярно открывали на раскопках в Средней Азии, Закавказье, на юге европейской России и в Сибири, требовала работы в команде, постоянного учета археологического контекста находок. В.А. Лившиц, кажется, только в 1990-е годы побывал на Нисе и лишь один раз поднимался на гору Муг, но часто приезжал в различные экспедиции — на раскопки Пенджикента (где работал с 1947 г.), в Афрасиаб, на хорезмские памятники, в Кара-тепе в Термезе и др.

Многие работы выходили в соавторстве с археологами. Таковы, например, почти все статьи по бактрийским надписям. В связи с открытием в 1990-е годы в Афганистане корпуса бактрийских текстов, на несколько порядков превосходящего известный до того скромный объем, все чтения бактрийских текстов, опубликованные ранее, требуют сплошной ревизии. Но ранние чтения в любом случае остаются предметом исследования по истории науки. Бактрийский, в отличие от большинства других среднеиранских языков, записывался письмом, позаимствованным у греков. Процесс его развития, однако, сходен с соседними арамейскими письменностями: от лапидарного, почти квадратного письма к курсиву. В последнем особую роль играет соединение букв, однако слова, в отличие от самых первых текстов, написанных без пробелов, отделяются одно от другого. К изучению первой крупной надписи, найденной французскими археологами в кушанском династическом святилище в Сурх-Котале, приступил французский филолог Андре Марик, и вскоре ясное чтение первой ее половины было осуществлено В.Б. Хеннингом. В.А. Лившиц позднее публиковал бактрийские надписи из Дильберджина, Кара-тепе, Айртама, последнюю — в соавторстве с Эдвардом Васильевичем Ртвеладзе, который является, пожалуй, самым благодарным получателем больших писем Лившица и собирается опубликовать эту переписку [Ртвеладзе 2013: 254].

В.А. Лившицу обычно посылали фотографии и прорисовки самых разных надписей из восточной части СССР, а нередко и из Ирана, Афганистана, Монголии. Часть из них, действительно, была надписями (они, как правило, изданы)²², иногда это была просто пара букв, а зачастую — просто почеркушки, письменным памятником не являвшиеся. Огромный объем этих фотографий, негативов и прорисовок сохранился в архиве Владимира Ароновича, который всегда относился к таким письмам очень серьезно и писал долгие, обстоятельные ответы с непременно ссылками на литературу и историю вопроса, а порой с неожиданными шутками и просьбами передать привет самым разным коллегам. Даже на устные научные вопросы от петербургских коллег он часто отвечал в письменном виде. Столь же ответственно относился В.А. Лившиц и к редактированию. Отданная ему рукопись через какое-то время возвращалась автору, испещренная множеством помет. Что-то было непременно перечеркнуто, где-то стояли восклицательные знаки, у каких-то абзацев помечено «бред!», на полях оставалось очень мало свободного места, и на многих листах кружком было обведено слово *verte* «переверни» — дополнения и соображения Владимира Ароновича занимали и обратную сторону листа. Любопытно, что за свою долгую научную

²² Неизданной, насколько я могу судить после поверхностного разбора архива, остается наскальная согдийская надпись, происходящая, кажется, из Южной Киргизии и начинающаяся словами *pr byu n'm* «во имя бога».

жизнь В.А. Лившиц лишь дважды публиковал рецензии (одну — совместно с В.М. Массоном на «Историю Мидии» Иггара Алиева, другую — на книгу Бэйли, при этом вторую в свою библиографию он не включал), хотя многие книги в библиотеке также исчерпаны массой поправок.

Восточноиранский язык древнего Хорезма известен на порядок хуже согдийского или парфянского. В 1930-е годы, почти одновременно в Турции и СССР были обнаружены рукописи арабских юридических сочинений и словаря «Мукаддимат ал-Адаб» с хорезмскими глоссами. Первое сообщение о них сделали Заки Валиди Тоган (открывший рукопись) и В.Б. Хеннинг, который сразу показал ряд характерных особенностей этого нетривиального языка. В Советском Союзе хорезмийским занимались арабист-рукописник С.Л. Волин (арест не позволил ему завершить работу) и А.А. Фрейман, выпустивший небольшую книгу. Хеннинг на время отошел от хорезмийского²³, но в 1950-е годы вернулся с серией очень важных статей по грамматике языка.

С 1937 г. начала работать Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. Уже в первый год ее работы на этой территории было собрано большое число доисламских монет. В статье, изданной в следующем году, начальник экспедиции Сергей Павлович Толстов (1907–1976), показал, что почерком, аналогичным легендам на хорезмских монетах, выполнены надписи на группе единообразных серебряных сосудов, найденных преимущественно в Прикамье. Он прочитал идеограммы на монетах и предложил близкие к истине чтения имен царей, сравнив их со списком царей Хорезма, составленным Бируни. С этого момента можно говорить об открытии раннего хорезмийского языка, записанного местным вариантом арамейского письма.

В дальнейшем работы Хорезмской экспедиции, в какое-то время крупнейшей в СССР, принесли наряду с огромным объемом вещественного материала несколько групп надписей, нанесенных преимущественно на твердую основу (органика редко сохраняется в Хорезме). Крупнейшими находками был архив документов на коже и дереве из Верхнего дворца Топрак-калы (1940-е годы), эпиграфика на оссуариях из Ток-калы (1960-е годы), остраки из Калалы-гыр-2 (1980-е годы), надписи на росписях Казакли-Яткена (2000-е годы).

С.П. Толстов был ученым с удивительной интуицией. Не имея, казалось бы, никаких указаний на значимость тех или иных памятников, он понимал, какой из них надо копать в первую очередь, на основании минимальных данных удивительно точно и верно датировал их, выстроил хронологическую шкалу, понимал предназначение сооружений, находил верный способ раскопок нетривиальных памятников (например, остатков неолитического жилья типа сложносоставного шалаша на Джанбас-кале). Не имея специального иранистического лингвистического образования, он правильно прочел многие монеты и краткие надписи, дал первое чтение ряда документов из Топрак-калы и верно определил их как списки городского населения, включающие и домашних рабов²⁴.

Корпус раннехорезмийских надписей очень невелик и при этом весьма сильно разнесен по времени — с III–II вв. до н.э. по VIII в. н.э. В истории языка, как и в ис-

²³ Поскольку, как он выражался, «поле слишком большое, чтобы двоим заниматься одной и той же проблемой».

²⁴ Эти документы подтверждали выдвинутый С.П. Толстовым, казалось бы, в угоду господствовавшей идеологии тезис, что до определенного периода в Хорезме было распространено рабовладение. Опять интуиция исследователя?

тории письма, за это тысячелетие произошли серьезнейшие сдвиги; сильно изменился почерк (от лапидарного к курсивному), исчезли многие идеограммы, тексты в виде списков сменились более распространенными; в то же время многое оставалось и неизменным, например, хорезмская эра, существовавшая на протяжении семи с лишним столетий.

Первая работа В.А. Лившица по хорезмийскому языку была посвящена надписям на оссуариях Ток-калы, относящимся к поздней (VII–VIII вв.) эпиграфике Хорезма. В 1962 и 1964 гг. была найдена почти сотня гипсовых оссуариев (костехранилищ) и их фрагментов с надписями тушью, часто фрагментированными или смытыми. Как и в Согде, с течением времени написания многих букв в Хорезме совпадали, и отличить *y, w, r, d, n* или *p, b, z* невозможно, очень важны правила слитного и раздельного написания букв. Статья вышла под двумя фамилиями, С.П. Толстова и В.А. Лившица, однако участие первого ограничилось чтением дат и гипотезой о происхождении эры Хорезма²⁵. Владимир Аронович вспоминал, как ему организовали встречу с всемогущим Толстовым — членом-корреспондентом АН СССР, директором Института этнографии — на подмосковной даче последнего. Лившиц показывал Толстову свои чтения надписей, тот, не выпуская изо рта папиросу, молча слушал, ходил кругами, и часто выходил на кухню, где как будто в одиночестве опрокидывал рюмку коньяка. В результате и вышла совместная статья.

В статье было дано чтение лишь девяти надписей из почти 100, и в дальнейшем было опубликовано еще только пять, при этом достаточно кратких. Остается непонятным, каким образом удалось дойти до вполне четкого понимания этих совершенно особенных текстов. За исключением найденной в 2003 г. надписи в погребении жившего в Китае согдийца Виркака (VI в.), среднеиранская эпиграфика не знает иных заупокойных текстов. Никаких аналогов содержанию надписей не было.

Помогло в первую очередь то обстоятельство, что надписи были датированы. Начинались они со знакомой по парфянским остракам арамеограммы *BŠNT* «год», далее следовало ясное цифровое обозначение, затем названия месяца и дня, снабженные идеограммами *YRH'* и *BYWM* соответственно, что тоже имело парфянское соответствие. Абу ар-Рейхан ал-Бируни в своих «Памятниках минувших поколений» привел названия месяцев и дней, употреблявшиеся в Хорезме, и сопоставление этих названий с текстами оссуариев позволило, с одной стороны, выяснить точную дату, а с другой — уточнить написание букв малоизвестного письма²⁶. После формулы датировки на оссуариях следовали два слова, одно из которых читалось как арамеограмма *ZNH* «этот», а второе должно было как будто обозначать тип предмета — оссуарий. Лившиц первоначально читал его как *tnbryk* (букв. «содержащий тело»), однако затем согласился с Хеннингом, видевшим тут *tpnkwk* — «ящикек». Что же касается прочтения Владимиром Ароновичем оставшейся части оссуарной надписи: имени и отчества покойного, благопожелания «пусть его душа останется в вечном раю», то я могу лишь процитировать слова Хеннинга, обычно отличавшегося язвительными отзывами на труды коллег: «Эта надпись (чтение которой было предложено в статье Хеннинга. — П.Л.), вероятно самая интересная из опубликованных, также может пока-

²⁵ Не забудем, впрочем, что С.П. Толстов верно определил ряд слов на оссуариях в популярной статье, изданной в нукусской газете по свежим следам открытия.

²⁶ Таким же образом Николас Симс-Уильямс смог определить чтение букв неизвестного до того извода курсивного греческого письма бактрийских документов через сравнение зачинов бактрийских писем с формулой адресования в родственном согдийском языке.

зять то, что различные варианты, предложенные в этой статье, едва ли влияют на суть дешифровки Лившица. По моему мнению, его работа не просто компетентна, но даже вдохновенна; чем внимательнее я изучал ее, тем больше чувствовал, что она достойна восхищения»²⁷.

В последние годы В.А. работал над монографией по хорезмийским именам, а также переизданием прочитанных им надписей. Последние годы Владимир Аронович часто говорил, что он собирается издать *Chorasmica* и тем завершить публикацию своих исследований. Кажется, материалы, которые лежали у него на рабочем столе, и те, которые были на перепечатке в издательстве, можно собрать воедино и издать как последнюю книгу выдающегося ученого.

Дополнения к библиографии²⁸

А. В печати

- В.А. Лившиц*. Происхождение этнонима таджик // Этногенез таджикского народа. Душанбе.
В.А. Лившиц. Согдийская надпись из Афрасиаба // Луконинские чтения. 2013–2017. СПб., 2018.
В.А. Лившиц. Хорезмийская ономастика. Под ред. П.Б. Лурье. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского лингвистического общества.

Б. Новые публикации

- V.A. Livshits*. *Sogdian Epigraphy of Central Asia and Semirech'e*. Translated by Tom Stableford, edited by Nicholas Sims-Williams (Corpus Inscriptionum Iranicarum, Pt. II. Vol. III). London, 2015.
В.А. Лившиц. Старейшая согдийская надпись из Куль-тобе // Вестник древней истории, 292/1 (2015). С. 59–66.
В.А. Лившиц. В.Ф. Минорский о поэме Гургāнй «Вйс-у Рāmйн» // Подарок ученым и утешение просвещенным. Сборник статей, посвященных 90-летию профессора Анны Аркадьевны Долининой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. С. 72–76.
В.А. Лившиц. *¹*Nar*- ‘мужчина, герой, самец’ и *²*nar*- ‘быть умным, способным, добродетельным’ в истории иранских языков // Вестник древней истории, 77/4 (2017). С. 1075–1078.
В.А. Лившиц, *В.И. Распопова*. Согдийская эпиграфика Пенджикента // Записки восточного отделения российского археологического общества. Новая серия, том III. 2015 [2017]. СПб.: Лингвистическое общество. С. 327–343.
Владимир А. Лившиц. Источники хорезмийской письменности // *Zur lichten Heimat. Studien zu Manichäismus, Iranistik und Zentralasienkunde im Gedenken an Werner Sundermann*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2017. С. 305–318.

В. Рецензии последних лет на монографии В.А. Лившица

- М.И. Воробьева-Десятовская*. Рец. на: *В.А. Лившиц*. Парфянская ономастика // Письменные памятники Востока, № 1(16), 2012. С. 286–289.
А.А. Амбарцумян. Важнейшие труды по среднеиранским языкам // Записки восточного отделения российского археологического общества. Новая серия, том III. 2015 [2017]. СПб.: Лингвистическое общество. С. 1066–1071.

²⁷ “This inscription, which is probably the most interesting of those published, may also serve to show that the various alterations proposed in this article hardly affect the essentials of Livshitz’ decipherment. In my opinion, his work is not merely competent, but even inspired; the more closely I have studied it, the more have I come to feel that it deserves admiration” (Henning 1965: 179).

²⁸ Основная библиография на сайте Института восточных рукописей РАН (<http://www.orientalstudies.ru/rus/images/personalia/pdf/livshits.v.pdf>), добавления до 2013 г. опубликованы в: *Commentationes Iranicae*. Сборник статей к 90-летию В.А. Лившица. СПб., 2013. С. 12–14.

Ilya Yakubovich. Rev. Vladimir A. Livshits. Sogdian Epigraphy of Central Asia and Semirech'e // Indo-Iranian Journal 60 (2017). P. 413–426.

Adam Benkato. Rev. Vladimir A. Livshits. Sogdian Epigraphy of Central Asia and Semirech'e // Journal of the American Oriental Society. Vol. 137 (2017). P. 638–640.

Г. Дополнения к библиографии прошлых лет

В.С. Соколова, Р.Л. Неменова, Ю.И. Богорад, В.А. Лившиц, А.И. Фархадян. Новые сведения по фонетике иранских языков // Труды Института языкознания АН СССР, том I, 1952. С. 154–192.

V. Livshitz. Rev. H.W. Bailey Khotanese Texts, vol. III. Cambridge, 1956 // Bibliotheca Orientalis XVI. No. 1/2, Januari Maart 1959. С. 58.

С.Г. Кляшторный, В.А. Лившиц. Согдийцы в Центральной Азии // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии. Ташкент: Фан, 1990. С. 8–13.

V.A. Livšits “Āfarīda-i Āḍur va Pandār-i nēk” dar kaṭība-yi suryḍī az Panj̄kant // Номаи Пажуҳишгоҳ, 3, 2003. С. 71–78.

В.А. Лившиц. Иранские письменности арамейского происхождения: время сложения // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций на Востоке. III Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений (Душанбе, 16–18 мая 1988). М.: Наука, 1988. Т. I. С. 29–31²⁹.

А.Л. Грюнберг, В.А. Лившиц, И.М. Стеблин-Каменский. О генетических связях мунджанского языка // Актуальные вопросы исследования иранских языков и диалектов. Тезисы докладов. М., 1974 (размноженная машинопись). С. 2–5.

Литература

Джумаев 2017 — *Джумаев А.Б.* Абдулхамид Пулоди – краевед, собиратель рукописей и работник культуры // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия, том. III. СПб.: Лингвистическое общество. С. 691–727.

Ртвеладзе 2013 — *Ртвеладзе Э.В.* Рахавард В.А. Лившицу. Неизвестные и малоизвестные бактрийские надписи из Северной Бактрии // *Commentationes Iranicae*. Сборник статей к 90-летию В.А. Лившица. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 253–267.

Azarpay 2013 — *Azarpay G.* The Afrasiab Murals. A Reassessment // *Commentationes Iranicae*. Сборник статей к 90-летию В.А. Лившица. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 308–317.

Henning 1965 — *Henning W.B.* The Choresmian Documents // *Asia Major*. 1965. P. 166–179 = *Henning W.B. Selected Papers*. Vol. II. Leiden; Tèheran; Liege: Brill, Bibliothèque Pahlavi, 1977. С. 645–658.

References

Azarpay, Guitty. “The Afrasiab Murals. A Reassessment”. *Commentationes Iranicae*. Vladimiro f. Aaron Livschits nonagenario donum natalicum. Petropoli: in aedibus Nestor-Historia, MMXIII, pp. 308–317.

Dzhumaev A.B. Abdulhamid Pulodi — a local historian, collector of manuscripts and cultural worker // *Memoirs of the Oriental Department of the Russian Archaeological Society, New Series, Vol. III*. St. Petersburg: Linguistic Society, 2017, pp. 691–727.

Henning Walter Bruno. “The Choresmian Documents”. *Asia Major*, 1965, pp. 166–179 = *Henning W.B. Selected Papers*. Vol. II. Leiden–Tèheran–Liege: Brill, Bibliothèque Pahlavi, 1977, pp. 645–658.

Rtveladze E.V. “Rāhāvard to V.A. Livshits. Unknown and Little Known Bactrian Inscriptions from Northern Bactria”. *Commentationes Iranicae*. Vladimiro f. Aaron Livschits nonagenario donum natalicum. Petropoli: in aedibus Nestor-Historia, MMXIII, pp. 253–267.

Vladimir A. Livshits and His Method. In Place of an Obituary

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2018, volume 15, no. 1 (issue 32), pp. 106–121)
Received 01.12.2017.

Pavel B. Lurje

State Hermitage Museum; Dvortsovaia naberezhnaia 34, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Vladimir Aronovich Livshits, the outstanding Iranologist, the patriarch of study of Middle Iranian written records, passed away on June 10th, 2017, on his 94th year. The present paper does not focus on the life and achievements of Vladimir Aronovich — an obituary has been published elsewhere, it is attempting to understand and explain the methods which Livshits used in deciphering Iranian writing systems of pre-Islamic period. Although Parthian, Sogdian and Chorasmian languages (the main object of this paper) are evidently related, and the scripts used for writing them are derived from a single source, working with each one required different approaches to texts. This variability of methods, together with personal talents and inspiration of Livshits, did radically change our understanding of the languages, written traditions as, well as history and culture of pre-Islamic Iran and Middle Asia. When writing this paper its author used the published works of Livshits and some of his colleagues, the materials of his scholarly library and archive, and especially the twenty years of communication with the renowned champion of Middle Iranian epigraphy, while being his disciple.

Key words: V.A. Livshits, Middle Iranian writing, Parthian language, Sogdian language, Chorasmian language, decipherment, methodology.

About the author:

Pavel B. Lurje, Cand. Sci. (Philology), Head of the Section of Middle Asia, Caucasus and Crimea, Oriental Department, State Hermitage Museum (Pavlsvria@gmail.com).